От них исходило
душевное тепло

Коллектив авторов
Борис Соломонович Шульман
Лия Соломоновна Шульман

От них исходило душевное тепло (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22057976
От них исходило душевное тепло: С.С. Шульман и Р.Е. Шульман-Альбова. К 95-летию со дня рождения. Сборник очерков-воспоминаний / Сост. Л.С. Шульман, Б.С. Шульман: Медисонт; Минск; 2014

Аннотация

Сборник посвящен памяти известных ученых-паразитологов, доктора биологических наук С.С. Шульмана и его супруги, кандидата биологических наук Р.Е. Шульман-Альбовой, которые прошли вместе рука об руку всю жизнь. В него включены воспоминания учеников, друзей и родных, большей частью ранее не публиковавшиеся, а также малоизвестные фотографии и архивные документы. Приведена библиография трудов С.С. Шульмана. Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественного естествознания XX века.

Содержание

Лия и Борис Шульманы 8
Соломон Самуилович Шульман, доктор биологических наук (7 марта 1918 г. – 26 апреля 1997 г.) 10
Рахиль Ефремовна Шульман – Альбова, кандидат биологических наук (28 октября 1918 г. – 21 марта 1986 г.) 13
Наш дом 16
Конец ознакомительного фрагмента. 41

От них исходило душевное тепло: С.С. Шульман и Р.Е. Шульман-Альбова К 95-летию со дня рождения

Имя твое – корни прошлого.
Имя, фамилия, род…
Как много всего хорошего
Нам это в жизни дает!
И тянется эта ниточка
Годы – из века в век…
От Бога эта тропиночка
К тебе ведет, человек!
Лия Шульман, 1997 г.

© Л.С. Шульман, Б.С. Шульман, 2014

* * *

Рахиль Ефремовна Шульман-Альбова, рисунок Лии Шульман, 1983 г.

Соломон Самуилович Шульман, рисунок М.В., Камчатка, 1970 г.

Идея написания этого сборника родилась почти сразу же после кончины нашего Отца.

Мы рассказали об этом всем близким людям, нашим родным и друзьям. Все поддержали нас и с энтузиазмом взялись

за дело.

Никто не виноват, что у одних этот процесс пошел быстрее, у других медленнее. Одни написали раньше, другие – позже. Так получилось. Никто не виноват и в том, что сборник этот издается лишь сейчас. Так уж получилось…

Но важно другое: за годы подготовки книги из жизни ушли многие, написавшие и приславшие нам свои воспоминания.

И потому мы, дети Соломона Самуиловича Шульмана и Рахили Ефремовны Шульман-Альбовой, посвящаем этот сборник не только памяти наших родителей, но и памяти всех ушедших.

Лия и Борис Шульманы
Увидеть и понять себя

Вместо предисловия

Человеческая память – увы – несовершенна. За чередой дней, месяцев, лет, за работой и делами (большими и маленькими) незаметно забывается то, что, казалось, будешь помнить вечно. И здесь уместно привести слова друга нашей семьи профессора Ф.С. Энтелиса: «Человек, забывающий свое прошлое, не достоин своего будущего».

Нам, детям Рахили Ефремовны Шульман-Альбовой и Соломона Самуиловича Шульмана, хочется быть достойными будущего, оставив в память о наших родителях добрые, теплые слова всех знавших и любивших их. Написать эти слова «из души», а также отредактировать, оформить и напечатать написанное мы пригласили всех их друзей, учеников и добрых знакомых, вспомнив любимую фразу нашего отца: «Если хочешь увидеть и понять себя – посмотри на друзей своих».

Лия и Борис Шульманы

У входа в Зоологический институт Академии наук СССР Рахиль Ефремовна и Соломон Самуилович Шульманы, сентябрь, 1968 г.

Соломон Самуилович Шульман, доктор биологических наук (7 марта 1918 г. – 26 апреля 1997 г.)

Официальная справка

Соломон Самуилович Шульман родился 7 марта 1918 года в городе Ярославле в семье врача. В 1922 году семья переехала в Ленинград. В 1941 году Соломон Самуилович окончил Биологический факультет Ленинградского государственного университета (кафедру члена-корреспондента АН СССР профессора Валентина Александровича Догеля). С самого начала Великой Отечественной войны С.С. Шульман ушел добровольцем на фронт и участвовал в обороне Ленинграда, в том числе сражался на двух «пятачках» Ленинградского фронта (Ораниенбаумский плацдарм и Невская Дубровка). Был трижды тяжело ранен. За участие в боевых операциях награжден орденом «Красная Звезда» и медалью «За оборону Ленинграда».

В 1944 году, вследствие полученных тяжелых ранений, С.С. Шульман стал инвалидом войны и был демобилизован из армии. Врачи запретили ему работать, и в особенности заниматься научной работой. В госпиталь города Рыбинска, где Соломон Самуилович находился на лечении, пришло письмо от В.А. Догеля с приглашением поступить к нему в

аспирантуру. Однако тогда в аспирантуру С.С. Шульман не попал. Не попал он и на родную кафедру, но до конца своих дней, где бы он ни работал, он неизменно поддерживал с ней связь.

В послевоенные годы в разные периоды своей жизни С.С. Шульман работал в Институте рыбного хозяйства (1945–1950 гг., Ленинград), Биологическом институте Карельского филиала АН СССР (1950–1958 гг., Петрозаводск), Зоологическом институте АН СССР (1958–1986 гг., Ленинград), Институте экологии Волжского бассейна РАН (1986–1997 гг., Тольятти).

Деятельность С.С. Шульмана имела не только научный интерес, но и большое народно-хозяйственное значение. Он выезжал в те регионы, откуда приходили телеграммы о массовой гибели рыб. Приезжавшие к нему за консультацией специалисты, аспиранты, докторанты получали не только научную консультацию, но и зачастую большую, чисто человеческую поддержку. Многие специалисты, не будучи его прямыми учениками, начинали считать себя таковыми; большинство из них потом становились близкими друзьями всей семьи.

С 1945 года и до конца жизни С.С. Шульман принимал участие во многих экспедициях в разные концы страны – от Карелии до Камчатки, от Белого до Японского моря. Были и зарубежные поездки: советско-китайская экспедиция по исследованию бассейна реки Ляо-Хе (1958), участие во II

Международном конгрессе протозоологов в Лондоне (1965).

С.С. Шульман – признанный мировой авторитет в области экологической паразитологии, зоогеографии паразитов рыб; он был крупнейшим специалистом по миксоспоридиям. Его монография «Миксоспоридии фауны СССР», изданная в 1966 году, в 1988-м была переведена на английский язык и издана в США. Им также впервые были опубликованы крупные разделы по паразитическим простейшим рыб в «Определителе паразитов пресноводных рыб фауны СССР», разные тома которого были изданы в 1964 и в 1984–1987 годах. Первое издание было переведено в 1966 году на английский язык и опубликовано в Израиле.

В своих трудах С.С. Шульман развил основные положения экологической паразитологии, впервые сформулированные В.А. Догелем. С.С. Шульманом была предложена гипотеза о многоклеточной природе миксоспоридий; он внес существенный вклад в понимание происхождения многоклеточных животных.

С.С. Шульман – автор 200 статей и 7 монографий. Он активно занимался педагогической деятельностью: читал лекции (Ереван, Ярославль, Петрозаводск, Калининград), консультировал студентов, аспирантов, докторантов, подготовил более 50 кандидатов и докторов наук, работающих сейчас в разных странах.

Олег Пугачёв, Санкт-Петербург

Рахиль Ефремовна Шульман – Альбова, кандидат биологических наук (28 октября 1918 г. – 21 марта 1986 г.)

Официальная справка

Рахиль Ефремовна Альбова родилась 28 октября 1918 года в Петрограде в семье служащих. В 1941 году она окончила Биологический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ, кафедра члена-корреспондента АН СССР профессора Валентина Александровича Догеля) и была приглашена к нему в аспирантуру. Однако учебе в аспирантуре помешала война. С начала Великой Отечественной войны Р.Е. Шульман-Альбова работала по оборонной тематике в Университете, а с осени 1941 года и всю зиму 1941/1942 года – во 2-м Медицинском институте на кафедре общей биологии.

В январе 1942 года Рахиль Ефремовна стала женой С.С. Шульмана. В апреле 1942 года вместе с Медицинским институтом была эвакуирована в г. Красноярск. В октябре 1942 года был создан Красноярский медицинский институт, где Р.Е. Шульман проработала до ноября 1944 года на кафедре биологии – сначала старшим лаборантом, а затем ассистен-

том кафедры. В 1944 году Рахиль Ефремовна ненадолго переехала в г. Рыбинск, где преподавала в Рыбинской фельдшерской школе, а затем возвратилась в Ленинград. С марта 1944 года – она лаборант на кафедре зоологии беспозвоночных Ленинградского государственного университета, а с января 1945-го – аспирантка В.А. Догеля.

После защиты кандидатской диссертации Р.Е. Шульман 8 лет проработала в Институте биологии Карельского филиала АН СССР (1950–1958 годы, Петрозаводск). Там в должности младшего научного сотрудника она занималась изучением иксодовых и гамазовых клещей Карелии. Одновременно совместно с С.С. Шульманом ею была написана монография «Паразиты рыб Белого моря». Переехав в Ленинград, Рахиль Ефремовна временно работала в Институте рыбного хозяйства (1958 г.) и на кафедре зоологии беспозвоночных Ленинградского университета (1959 г.). Но уже с 1960 года – она постоянный сотрудник кафедры зоологии беспозвоночных ЛГУ. Там в должности ассистента кафедры Р.Е. Шульман проработала до своего ухода на пенсию.

На кафедре зоологии беспозвоночных Р.Е. Шульман работала более двадцати лет. За эти годы она внесла весомый вклад в научную и педагогическую деятельность кафедры. Ею был выполнен ряд значительных исследований в области экологической паразитологии. В течение нескольких лет она проводила экспедиционные работы по паразитам рыб на озере Селигер и выполнила серию ценных эксперименталь-

ных исследований по изучению паразитов рыб, относящихся к разным группам. В области педагогической деятельности Р.Е. Шульман с большим успехом и на высоком научном уровне вела общий и специальный практикумы по зоологии беспозвоночных, проводила летние зоологические практикумы. Р.Е. Шульман руководила многими дипломными работами, которым она всегда уделяла большое внимание.

Выйдя на пенсию в 1980 году, Рахиль Ефремовна не потеряла связи ни с наукой, ни со своими многочисленными друзьями и учениками, многие из которых впоследствии стали докторами наук. Она занималась составлением сборника воспоминаний о В.А. Догеле и составлением библиографии к монографии «Класс Миксоспоридий мировой фауны», была секретарем биофака выпуска 1941 года и личным секретарем С.С. Шульмана. Рахиль Ефремовна – автор более 50 научных работ, в том числе ряда монографий.

Лия Шульман, Борис Шульман, Санкт-Петербург

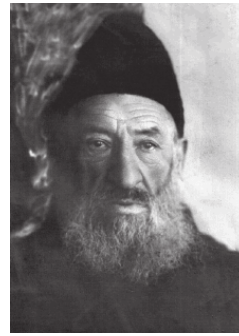
Наш дом

Сколько всякого мы позабыли,
Сколько снова забудем потом.
Чтобы вспомнить, какими мы были,
Загляните в семейный альбом.
М. Танич. «Семейный альбом»

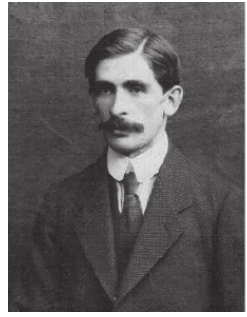
«Дом друзей», «Дом, согревающий сердца», «Дом, где много света и тепла», «Дом, где всегда находишь стулья», «Дом, где так много посуды»… Эти фразы взяты из воспоминаний «всех-всех» и из фольклора нашего Дома. О нем, о нашем Доме, о его гостях, его обитателях, его создателях и, наконец, о самом понятии, как явлении, мы и хотим рассказать, «заглянув в семейный альбом» – коллективную память: и нашу, и наших родителей, и наших друзей.

Человеческая память – явление своенравное. Что-то запоминается навечно, а что-то теряется, иногда навсегда. Хотя иной раз, когда очень хочется вспомнить, то памятью сердца вдруг видится то, что казалось утерянным навеки. Так вдруг вспоминаешь время разговоров там, «где тепло и зимой, и летом» (Л.В. Алексеева), и куда «густым косяком плывут гости» (С.С. Шульман). И понимаешь, что «не стены, а люди – суть его» (Р.Е. Шульман). И осознаешь заново, что «всему хорошему обязан своим родителям» (С.С. Шульман). Потому как «имя твое – корни прошлого» (Лия Шульман): ведь

запомнил же ты навеки, что «дом твой – Древо Жизни» (Е.Г. Альбов)! И как тут не вспомнить слова Шаига Ибрагимова о «кавказской территории на Литейном»? Высказывания папиных однополчан об их «малой Родине в Ленинграде на квартире Шульманов», куда они все так стремились после официальных торжеств в День Победы? А «семинар на дому» папиных-маминых учеников? Ветви этого своеобразного Древа Жизни раскинулись так широко! От Лондона, где растит свою дочурку Света Колокольникова, до Грузии, где до сих пор работает любимая ученица отца Иза Гогебашвили; от Германии, где живет «дядя Веня» (д.б.н. В.М. Эпштейн), до Калининграда с Чингизом Нигматуллиным и Елизаветой Евдокимовой и Душанбе с верными учениками отца Умаром Джалиловым и Мамлакат Ашуровой. На «ветки» этого Древа можно наткнуться во многих городах и странах: в Калининграде, Майкопе, Москве, Мурманске, Петербурге, Петрозаводске, Тольятти, Ярославле; Баку, Вильнюсе, Ереване, Риге, Симферополе; в Австралии, Бразилии, Германии, Дагестане, Казахстане, Канаде, США, Чехии…



Дедушка Соломона – Гирш Шульман, казенный раввин Чернявской синагоги.



Родители Соломона Шульмана – Шмуйла и Рейзл, 1912 г.

А само Древо – это уже не только мы – его жители, но и все, кто приходил, приезжал, прилетал или хотя бы забегал на минутку! И это – не только наши родные, не только наши друзья, не только сослуживцы, но и друзья друзей наших! К

нам, в наш Дом, в «нашу крепость», как говаривала мама, каждый «тащил» (как говорил отец) своих друзей, что обычно делали и мы сами. Чтоб стали люди эти «всехними» друзьями, как стал отец наш «всехним Папой» (Тина Комлева) и как стала наша мама «лучшей подружкой всем-всем» (Наташа Красильникова), «жилеткой», как говаривала она сама… А сколько людей просто-напросто «кучковалось» (С.С. Шульман) вокруг! Список этот можно продолжать до бесконечности…

И все же невозможно не вспомнить «корни корней наших» (С.С. Шульман), фундамент нашего Дома: наших бабушек и дедушек. Многое в их жизнях было различно, но как многое роднило их!

Родители отца были родом из Белоруссии, из местечка Чернявка Борисовского уезда. Мамин отец родился на территории Польши в одном из местечек Виленской губернии. А вот мамина мама родилась в Санкт-Петербурге. Но все они принадлежали к той части еврейской интеллигенции, где детям, во что бы то ни стало, любой ценой, старались дать образование! К тому же в семьях всегда царили любовь и уважение к старшим, высоко ценилось гостеприимство, мужество и стойкость перед любыми невзгодами.

И если папин отец, наш дедушка Самуил Григорьевич Шульман, получив религиозное образование, в 14 лет сдал экзамен на раввина, то наш другой дедушка, Ефрем Григорьевич Альбов, хоть и не стремился в раввины, рели-

гиозное образование тоже имел. Впоследствии папин отец стал врачом, с отличием окончив Юрьевский университет в Кёнигсберге. Работал земским врачом, воевал на фронтах 1-й Мировой, был преподавателем, завучем и директором Фельдшерской школы. Вырастил двух сыновей. Обожал работу на земле и, думается, посадил не одно дерево. Воспитал большое количество замечательных врачей: многие, очень многие почитали за честь называть его своим Учителем. Был он человеком очень талантливым, образованным, почти гениальным – каких только языков он не знал! И на всех он не только говорил, читал и писал, но и пел, сочинял и играл! И еще: при всех своих почти энциклопедических знаниях был он человеком скромности необыкновенной…

Мария Скебельская-Альбова с дочерью Рахилью, 1921 г.

Получил светское образование и дедушка Ефрем (мы, внуки, звали его уважительно «Дед», с большой буквы), окончил Московское коммерческое училище, что позволило ему сразу же после женитьбы с головой погрузиться в бабушкино «дело» – шляпный магазин и мастерскую. И он так расширил, так модернизировал его, что стал одной из первых жертв нэпа, которых отправили на Беломорканал. Правда, там он долго не задержался, ибо был слишком хорошим работником и блестящим финансистом… Прожил Дед до 94 лет, и до сих пор в Таллинне жива память о нем, как о замечательном человеке и чудесном друге! В нем было очень много того, что Л.А. Алексеева называла «кипучестью характера», отец наш – «квантум схватишь», а мама – «размахом». Ибо, как казалось всем, – для Деда не существовало ничего невозможного, ничего недостижимого; все он мог и все умел достать! А выйдя на пенсию, Дед ни минуты не сидел без дела: вечно кому-то помогал, что-то доставал, вечно о ком-то беспокоился и заботился. Каждый год, почти до конца жизни, приезжал к нам: походить по городу, по его улицам и музеям, посмотреть последние театральные новинки. Многие труднодоступные постановки увидели мы тогда благодаря ему. А еще он очень увлекался антиквариатом и «шатался» (так он сам говорил) по букинистам… А когда в Таллинне снимали «Гамлета», попал на съемки, познакомившись с самим Козинцевым! У нас и по сей день сохранилось фото Деда в костюме испанского вельможи! А как он

готовил – «до сих пор облизываются те, кто вспоминает его кухню!» (Л.В. Алексеева). И сегодня, до сих пор, многое в нашем Доме готовится, как «у Деда». Особую известность ему принесли кильки, названные папой «ТестьСбытТрест» и высылаемые нам огромными партиями…

На этой фотографии Ефрему Григорьевичу Альбову 92 года.

Ефрем Григорьевич Альбов и внуки: Лия Шульман, Григорий Смирнов, Борис Шульман. Таллин, 1983 г.

Первоклассник Соломон Шульман со старшим братом Бебой,1926 г.

Как мы уже упоминали, обе наши бабушки тоже получили образование. И если бабушка Роза окончила фельдшерскую школу, то бабушка Маня – зубоврачебное училище. Обе они

были очень красивы, каждая по-своему. Обе, имея шлейф поклонников, вышли замуж по большой любви. В каждой семье было по двое детей. И обе наши бабушки мужественно переносили все испытания, посланные им Судьбой…

Мама отца нашего, бабушка Роза, будучи кузиной своего мужа, жизни себе не представляла без него и, по воспоминаниям ее племянницы К.Л. Клебановой, всегда и во всем – и в радости, и в горе – «была рядом с дядей Самуилом». Еще невестой участвовала вместе с ним в еврейском освободительном движении; была рядом с мужем и в день получения «похоронки» на их старшего сына. Всегда была рядом с ним: и в мирные годы, и в дни Блокады, и в эвакуации, и в последний день его жизни… Бабушка была очень гостеприимна, великолепно готовила. До сих пор в памяти сохранилось выражение «розино вишневое варенье», до сих пор помнится его божественный вкус! Стряпня бабушки высоко котировалась среди знавших ее – приезжавшая к нам недавно из Томска наша нянька Рая (Раиса Васильевна Ардашёва) хвасталась: «Из всей моей родни лучше всех готовлю я! Еще бы – ведь меня сама Роза Марковна учила!» Семья, вся наша родня, или, как говорится на идише, «мишпоха», была в то время весьма многочисленной, так как и бабушка, и дедушка были родом из многодетных семей. В Петроград – Ленинград в то время перебрались почти все родные, но почему-то все всегда останавливались лишь у них. Сюда, по воспоминаниям родных, шли «посоветоваться» (Э.П. Плав-

ник), и «за жизнь поговорить» (С.С. Хейфец), и вообще «собирались, по обыкновению, у Шульманов» (Э.П. Плавник). В семье постоянно кто-то жил: то племянница из местечка Соня Хейфец, то чудом спасшийся в оккупации Яша Клебанов, то бабушкина родная сестра Либа Клебанова-Фридбург, потерявшая в годы войны всех своих близких…

Отец уверял, что все это шло от духа семьи, от его родителей. От «корней», как говаривал он позднее.

А какие у них были застолья! Похоже, что именно они стали прообразом застолий в доме наших родителей: «В самой большой комнате накрыт большой длинный стол, и все места уже заняты. А во главе стола сидит тетя Роза – красивая, веселая, с укладочкой, а рядом дядя Самуил, не сводящий с нее глаз» (К.Л. Клебанова). При воспоминании же о застольях времен наших родителей прежде всего представляется большой полукруглый стол «сороконожка», где также с трудом можно найти место. Но, как говорили Вейно Эрик и Валя Глухова, «в этом Доме всегда все стулья себе находят». Стол «сороконожка» был примечателен еще и тем, что, собиравший вокруг себя огромное множество народа, имел при этом весьма поганое свойство: куда бы ты ни сел – неизменно натыкался на какую-нибудь из его ножек!

«Корни» нашей мамы – это семья бабушки Мани (Марии Мовшевны Скебельской), которая издавна жила в столице, владея шляпной мастерской и магазином при ней. Сама бабушка была женщиной характера сильного. Пятнадцати лет

от роду, оставшись круглой сиротой, она одна, имея на руках младших брата и сестру, не только сохранила «дело», подняла младших, дав им обоим гимназическое образование, но и сама с отличием окончила Мариинскую гимназию и поступила в зубоврачебное училище. И никто никогда не слышал от нее ни слова жалобы. Лишь однажды, незадолго до своей смерти, она вдруг разоткровенничалась с Лией, как со старшей: «Трудно даже представить, как тяжко мне было! И я хочу, чтобы вы, мои внуки, знали об этом. И пусть сейчас это понятно, важно и интересно лишь тебе – я думаю, что когда-нибудь это будет понятно, важно и твоим братьям тоже…» Происходила она из семьи людей высокообразованных и интеллигентных. И хотя 1-я Мировая война и Революция разметали и уничтожили почти всех ее родных, кое-кто все же остался жив. Так, неоднократно приезжал с гастролями Симфонический оркестр Швейцарии, где главным дирижером был ее двоюродный брат Леон… Знала бабушка и языки: до конца жизни не было для нее лучшего отдыха, чем провести вечер с томиком Мопассана на французском… Были в ее библиотеке книги и на английском, и на немецком. Она знала, любила и хорошо разбиралась в русской поэзии и литературе, прививая нам, внукам, вкус к ним. Кстати, самым последним в ее жизни подарком нашей маме стало полное собрание сочинений Мопассана на французском…

Свадебная фотография. Подпись: «Мы еще будем по настоящему счастливы».

И если, по словам папы, наша мама «взяла от своих родителей все самое лучшее», то и он «всему хорошему обязан своим родителям». Соединив свои судьбы в 41-м, «в то время, когда регистрировали лишь смерти» (Р.Е. Шульман и С.С. Шульман), родители наши лишь закрепили и официально узаконили то, что зародилось много раньше. И так же как наш «Дед» Ефрем бережно, до самой смерти, хранил Ктуббу (еврейский религиозный брачный контракт), так и его дочь, наша мама, бережно хранила в памяти все, что касалось ее столь необычного замужества. Лишь совсем недавно в папиной «Вещевой книжке командира Красной Армии» обнаружилась их свадебная фотография, надписанная маминой рукой: «Мы еще будем по-настоящему счастливы!».

А познакомились они, когда им было по 8 лет, в далеком

24-м, учась в родной Аннен-Шуле. Правда, в школе их пути почти не пересекались: то учились в параллельных классах, то «вращались», как любил говорить папа, в разных компаниях… Но поступление на Биофак Ленинградского университета объединило их навеки. Там, на кафедре зоологии беспозвоночных, впервые появилось слово «вместе»: вместе поступили, вместе ездили в экспедицию, вместе увлеклись паразитологией и вместе стали одними из самых любимых учеников В.А. Догеля. Любимыми учениками у любимого Учителя… Потому-то и имели они общих как школьных, так и университетских друзей, которые все любили собираться у нас.

Вообще, для них, наших родителей, слово «любовь» всегда соседствовало со словом «дружба», а иной раз являлось и синонимом его. В этом они были едины всегда. Лие запомнились долгие тольяттинские разговоры с отцом уже после кончины мамы. «Говорят, что мне повезло с женой, – сказал он, – но мне не просто повезло. Всё гораздо проще: мне повезло встретить настоящую Любовь, которая к тому же стала мне настоящим Другом на всю жизнь». В маминых сохранившихся письмах можно найти отголоски папиных слов: «Нет ничего в мире надежнее, чем настоящая любовь и дружба. За это счастье стоило жить». Слова эти мама написала спустя «сорок и один год» после замужества. И, по ее словам, эти «сорок и один год, пролетели, как один день…»

Свое предложение маме отец сделал в день, когда началась Великая Отечественная война. А началась она на другой день после сдачи ими последнего госэкзамена. Вот как описывает мама эти дни: «Впереди была работа, аспирантура, выпускной вечер, планы, мечты… И вдруг все рухнуло – война. Надо решать, как жить дальше, что делать. Мальчикам просто – они все пошли добровольцами, а мы – за советом к Догелю. “Голубушки, – сказал Валентин Александрович, – лучшее, что вы можете сделать для Родины, – остаться на своих местах и добросовестно трудиться”»[1]. Мама воспользовалась его советом и следовала ему долгие годы войны, как, впрочем, и всю свою жизнь.

«Мальчикам просто – они все пошли добровольцами», – писала мама. Пошел добровольцем и наш отец. 28 июня он подал заявление в Народное ополчение, а «4 июля – мы уже в Армии». Об этом он позднее напишет в своем докладе «40 лет снятия Блокады»: «Волею судеб вся моя судьба типична для защитников города Ленина». И далее в том же докладе: «В этой невиданной по масштабам битве в той или иной степени была связана деятельность всех жителей, всех учреждений. С особой силой это проявилось в Ленинграде, который уже на третьем месяце Войны стал городом-фронтом. Не оказался в стороне и Университет, многие студенты, преподаватели и сотрудники которого приняли непосредственное участие в боевых действиях». К этим незабываемым со-

[1] Р.Е. Шульман «Мой дорогой учитель В.А. Догель»

бытиям своей жизни отец неоднократно возвращался: «Особенно ярко вспоминаются, конечно, наши однокашники – биологи. Среди добровольцев почти все “мальчики” пятого курса, только что сдавшие госэкзамены, но так и не успевшие получить своих дипломов» (из статьи Н. Шапиро и С. Шульмана в газете «Санкт-Петербургский Университет» № 12 от 21 апреля 1995 г.).

А потом были долгие годы войны, не простой путь от рядового до офицера. Первая военная должность отца называлась «повозочный санчасти 277 отд. пул. – арт. батальона». Поэтому и стала его любимой песня Л. Утёсова «Стой, лошадка верная». Когда мы теперь слушаем ее, то вспоминаем папины рассказы о том очень нелегком периоде его жизни. Но в папиных рассказах все выглядело так легко, так просто и так весело! Но, хорошо зная отца, все мы понимали цену этой легкости и веселья – недаром бравый солдат Швейк был его любимым литературным героем. Как правило, чем смешнее и веселее выглядело все в папиных рассказах, тем сложнее и труднее ему было на самом деле. К тому же та ситуация была совсем не смешной: студентов-горожан прикрепили повозочными к лошадям, реагирующим лишь на ненормативную лексику. Но как тут радовался и веселился отец: «А я справился! Мне это было легко: все эти слова я и знал, и сказать их мог!» – и как-то незаметно опускал то, как трудно было ему, горожанину, управляться с лошадью…

Вспоминаются и другие, более поздние его рассказы, ко-

торые, однако, ассоциативно тесно связаны с годами военной службы. Было это спустя полгода после кончины мамы, во время тяжелой, почти смертельной болезни отца. Тогда, после диких, с трудом переносимых болей, он вновь попал на операционный стол. И вот из реанимации, находясь между жизнью и смертью, он писал письма, успокаивающие и поддерживающие не только нас, его детей, но и его «однопалатников», так же боявшихся повторной операции… Письма эти, полные смеха, веселья, юмора, задора буквально зачитывались до дыр! В них больничная палата называлась «адом», операционная «чистилищем», а реанимация «раем с ангелами в белых и голубых халатах». Соседок своих по несчастью, годившихся ему в дочери, он называл «однополчанками», пытаясь шуткой отметить их возраст: «Между двух прекрасных роз мухомор поганый рос…»

А как же иначе – ведь слово «однополчанин» навеки осталось для отца одним из самых главных в жизни! Ведь именно они, его однополчане, были ему «роднее родных» (С.С. Шульман) долгие годы войны, и именно благодаря им он понял ценность слов «дружба навечно и верность до конца» (С.С. Шульман). И все они, долгие годы собиравшиеся у нас после официальных торжеств, стали нам тоже такими же близкими и родными!

Из сохранившейся автобиографии отца можно проследить его военный путь: «В рядах Красной Армии прослужил до 1944 года: сначала в качестве рядового, затем, с марта

1942 года, работал в качестве старшего лаборанта медслужбы Эвакуационного Госпиталя № 81, а с 5 сентября 1942 года – старшим лаборантом 325 ОИСБ Краснознаменной Мгинской Стрелковой Дивизии».

Вот еще один сохранившийся документ военного лихолетья – «Характеристика на лейтенанта медслужбы Шульмана Соломона Самуиловича»: «…обладает большим личным мужеством. Выполняя задания командования, неоднократно проводил работу под интенсивным артиллерийским и минометным обстрелом…» И вновь данные из сохранившихся военных документов и справок – сухие факты Судьбы: «Первое тяжелое ранение получил в разведке боем около Старого Петергофа 28 сентября 1941 года – слепое осколочное ранение в правое бедро, второе – 2 марта 1943 года – слепое осколочное ранение височной области…» Ранение было смертельным, но, тем не менее, он выжил и вновь отправился на фронт. Так, с осколком за левым глазом, «прошагал», как любил говорить он сам, до конца дней своих, умудрившись к тому же вернуться с двух «пятачков» живым…

Мама же работала в это время во 2-м Медицинском институте, куда ее устроил В.А. Догель. Позднее, вместе с институтом, она «эвакуировалась в город Пятигорск, а затем в город Красноярск» (из автобиографии Р.Е. Шульман). А эвакуировали их по Дороге Жизни, по уже тающему льду…

Шла Война, но не забывалась любимая работа, Учитель, любимая кафедра: «Пока Валентин Александрович был в

Ленинграде, мы не теряли с ним связь и всегда чувствовали его заботу. Когда он был в Алма-Ате, мы писали ему не только о работе, но и о своих личных делах» (из статьи Р.Е. Шульман «Мой дорогой учитель В.А. Догель»). Отца тоже не раз командировали от медсанбата на родную кафедру для «приобретения лабораторного оборудования».

Но вот и третье тяжелое ранение отца – «осколочное ранение левого бедра и тазобедренного сустава», из-за которого он становится инвалидом. Случилось то, что позволит отцу позднее с усмешкой сказать: «…ползадницы положил на алтарь Отечества…» Но тогда было еще не до шуток: ведь «врачи запрещают работать»! И тут отец в полной мере почувствовал на себе замечательные качества своего Учителя, своего «В.А.», который «не бросал своих учеников в беде» (С.С. Шульман). «В 1944 году, – вспоминал отец, – я стал инвалидом войны II группы, и врачи запретили работать, особенно они были против научной работы. И в это время в госпиталь г. Рыбинска пришли два письма: от В.А. и его верного ученика, В.В. Дубинина. Письмо В.А. с приглашением в аспирантуру».

Отец, так же как и его учитель В.А. Догель, «не оставлял своих учеников в беде», помогая им во всем и всегда. Впоследствии и ученики отца «в тяжелые годы болезней и потерь на деле доказали, что они настоящие друзья» (С.С. Шульман). Многие из них помогали ему в редакционной подготовке 1-го тома его монографии «Класс Миксоспоридий».

Друзей было так много, что трудно сейчас перечислить всех поименно. К сожалению, отец ушел из жизни, оставив этот труд ненапечатанным. И после его кончины пришла помощь. Так, в частности, благодаря его ученику О.Н. Пугачёву, эта монография, написанная отцом совместно с его ученицами З.С. Донец и А.А. Ковалёвой, увидела свет.

…А мама в трудное время, как всегда, была рядом с отцом. Бросив работу в Красноярском мединституте, где она проработала «со дня его основания по ноябрь 1944 г. на кафедре биологии: сначала, как старший лаборант, а затем – ассистент кафедры» (из Автобиографии Р.Е. Шульман), она поехала преподавать в Рыбинскую фельдшерскую школу. А как же иначе – ведь именно в Рыбинске с тяжелым ранением лежал ее муж!

Здесь самое время сказать об одной из самых замечательных черт нашей мамы – ее самоотверженной верности и любви не только к мужу и детям, но и ко всем родным и всем друзьям. Впрочем, с того момента, когда появилось слово «вместе», – отец и мама были едины во всем. Всегда…

В марте 1945-го родители вернулись в Ленинград и сразу начали работать: она – лаборантом на родной кафедре, он – старшим лаборантом во ВНИИОРХе. А с 1946-го – они уже в аспирантуре у своего В.А. По маминым словам, «тогда были написаны мои первые статьи. На всю жизнь у меня осталась память, как он (Догель) учил меня писать». В архиве нашего дедушки Самуила нашлись эти статьи с посвящением «До-

рогим родителям»… И так же, как В.А. Догель учил их, наших родителей, писать, так и они учили этому не только нас, своих детей, но и своих многочисленных учеников и друзей.

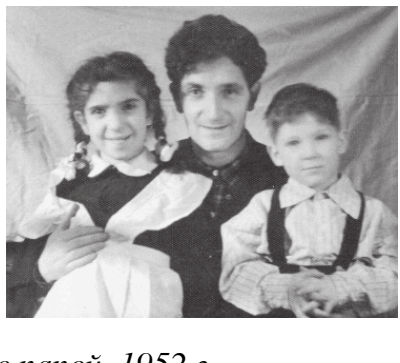
…И снова мама: «Когда я была в аспирантуре, у меня уже был грудной ребенок, и мне, честно говоря, было нелегко, но подвести В.А., сделать работу не в срок, плохо и в голову не приходило. Когда дочке исполнился год и 8 месяцев, я, оставив ее на руках бабушки и дедушки, уехала на 4 месяца на Белое море собирать материал» (Р.Е. Шульман «Мой дорогой учитель В.А. Догель»). После этой маминой экспедиции последовали и другие, особенно когда родители работали в Карелии. Так мы, дети, в течение еще 12 лет во время родительских экспедиций оставались в этой «камере хранения» (С.С. и Р.Е. Шульманы).

Пожалуй, в этом и кроется ответ на вопрос: «Что же оно такое – Дом Шульманов?». Наверное, когда не прекращается связь поколений и когда внуки, родители и деды – одно целое. И когда каждый отдает в общий Дом всё свое – всё, что он имеет и чем живет.

1949 год – год окончания аспирантуры. Успешная защита обоих, а на руках – только что родившийся сын… Хотелось бы еще раз сказать, еще раз подчеркнуть, что научную жизнь нашей мамы, Рахили Ефремовны Шульман-Альбовой, трудно отделить от научной судьбы нашего отца Соломона Самуиловича Шульмана. 20 лет проработала она на родной кафедре и, как сказано в Приказе ЛГУ от 24.06.1963 г., «…

внесла весомый вклад в научную и педагогическую деятельность. Ею выполнен ряд значительных исследований в области экологической паразитологии, она – автор более 50-ти научных работ, среди которых имеются как солидные монографии, так и научно-популярные брошюры, помогала она отцу и в науке, работая над библиографией…» В совершенстве владея французским и английским, неплохо зная немецкий, будучи сама паразитологом, она стала отцу поистине незаменимым помощником. Иногда их интересы в науке совпадали, и тогда рождались совместные исследования. Таковой, например, стала монография «Паразиты рыб Белого моря».

Молодая семья, 1948 г.



Лия и Борис с папой, 1952 г.

Выйдя на пенсию, мама «…и после этого не потеряла связи ни с наукой, ни со своими многочисленными друзьями и коллегами, многие из которых впоследствии стали докторами наук» (С.С. Шульман «Посмертное слово»). К тому же именно в эти годы мама приводила в порядок архивы Дома: и дедушки Самуила, и свой, и папин, и архив папиной обширной деловой переписки. Помогала она отцу и в научной работе над библиографией к монографии «Класс миксоспоридий Мировой фауны». А еще мама вела Дом. И была в нем не только гостеприимной хозяйкой, но и верным, преданным и чутким другом всем приходившим, приезжавшим и прилетавшим на консультации коллегам. Именно тогда друзья и стали поговаривать про «семинар на дому»…

Но в нашем Доме людей ждали не одни лишь научные консультации. Сколько замечательных людей приходило к нам, сколько было встреч и интересных разговоров! Вот слова

московской журналистки Галины Зиновьевны Снитовской о нашей семье – «семье ученых-биологов и педагогов, людей глубоких знаний и широких интересов: не только коллеги, но и математики, артисты и поэты, не только земляки, но и гости разных городов страны приходили в их дом и окунались в атмосферу душевного понимания и высокой интеллигентности. Как немногие, знает отец художницы (Лии Шульман) Петербург— Ленинград, и особое наслаждение для него – водить людей по торжественным улицам и паркам, когда призрачность белых ночей придает трепетную зыбкость гармонически четким силуэтам архитектурных ансамблей. Эту атмосферу дома, эту родительскую любовь к городу впитала и дочь…» (Г.З. Снитовская, из Каталога к выставке «…город мой непостижимый…»). А нам хочется добавить: атмосферу Дома, любовь к Питеру начинал чувствовать каждый, «всяк входящий» (С.С. Шульман), ибо Город как-то неуловимо врастал в нашу повседневную жизнь. Помнится, как, прочитав «Сестру печали» В. Шефнера, родители, стараясь совместить «прочитанное с увиденным», много времени посвятили прогулкам по Васильевскому острову, вместе разыскивая места, упоминавшиеся в книге. Случаев таких было много, как и книг в нашей библиотеке…

В нашем Доме, сколько мы себя помним, главной ценностью, главным достоянием всегда были книги. Библиотека получилась довольно уникальная: еще бы! – ведь каждый покупал, доставал, находил и приносил в Дом что-то свое!

Так, от дедушки Самуила остались такие книги, как «Фауст» 1854-го и Ветхий Завет 1877-го, от деда Ефрема – сочинения Дубнова и Вл. Соловьёва, а от мамы и папы – огромнейшая библиотека по биологии и художественной литературе… Есть в ней и книги по искусству, так необходимые Лие, и книги, приобретенные Борисом… Есть в ней и раритеты. Нам известно, что некоторые книги «от нас» в свое время переправлялись в г. Горький Андрею Дмитриевичу Сахарову; мы помним и то время, когда родители, рискуя многим, помогали деньгами и одеждой ссыльным и политзаключенным.

А еще в Доме жила музыка! Сначала это была «музыка из патефона» из огромной коллекции еще довоенных пластинок (от классики до романса и народной, в том числе и еврейской, песни). Потом появились магнитофонные записи Галича, Высоцкого, Клячкина, Новеллы Матвеевой, Городницкого (песни последнего отец любил особенно). Еще позднее – проигрыватель «со всеми теми пластинками, что иметь в доме необходимо, потому что это помогает в работе» (С.С. Шульман). Вспоминается, как во время написания какой-то работы вместе с «дядей Веней» (В.М. Эпштейном) вновь и вновь в течение нескольких дней ставилась пластинка с музыкой Фрэнсиса Гойи. Вкусы обитателей нашего Дома не всегда совпадали. Например, если мама обожала романсы, то отец любил и ценил песни городского фольклора…

Друзья наши нам завидовали: «Как вам повезло с родите-

лями!» Да, конечно, нам повезло – ведь наши родители были к тому же нашими лучшими друзьями! Впрочем, обычно, как правило, все наши друзья довольно быстро и вполне закономерно становились и лучшими друзьями наших родителей тоже. А сколько вообще друзей было у них? Школьные, институтские, однополчане, ученики… Но ведь только один отец за свою научную жизнь подготовил более 40 докторов и кандидатов наук! К тому же многие, не будучи его прямыми учениками, начинали считать себя таковыми после одного лишь разговора с ним или одной консультации… А ведь были и мамины ученики! И наши друзья! И ученики учеников, и друзья друзей… Не перечислить сейчас всех, кто бывал у нас. Из далекой Америки от любимой племянницы отца пришли строки Памяти: «…ты даже представить себе не можешь, какое влияние он оказал на меня в юности…» (Лора Сорока).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.